

УДК 130.2:316.7

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ КАК ИСТОЧНИК ДУХОВНОГО ЕДИНЕНИЯ НАРОДОВ

Н. Н. Исаченко

Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация

Отмечено, что проблема сохранения культурной памяти обретает особую значимость в связи с 80-годовщиной Победы. Выделено, что в фокусе исследования культурной памяти доминирует дискурс культурной травмы, сохраненные трагические события в памяти людей, переживших ужасы войны. Подчеркнуто, что культурная память, воссоздавая и передавая из поколения в поколение историко-культурное наследие, поддерживая чувство принадлежности к общей культуре, способствует духовному сближению народов двух стран.

Ключевые слова: культурная память, культурная травма, травматический опыт, культурная идентичность, культурная безопасность.

CULTURAL MEMORY AS A SOURCE OF SPIRITUAL UNITY AMONG NATIONS

N. N. Isachenko

Tyumen Industrial University, Russian Federation

The problem of preserving cultural memory is becoming particularly important in connection with the 80th anniversary of the Victory. The focus of the study of cultural memory is dominated by the discourse of cultural trauma, as preserved tragic events in the memory of people who survived the horrors of war. Cultural memory, recreating and passing on historical and cultural heritage from generation to generation, maintaining a sense of belonging to the common culture, contributes to the spiritual rapprochement of the peoples of the two countries.

Keywords: cultural memory, cultural trauma, traumatic experience, cultural identity, cultural security.

Сохранение исторической и культурной памяти является одной из актуальных тем социокультурного дискурса в рамках культурного сотрудничества России и Белоруссии. Народы двух стран объединяет коллективная память о трагических событиях в истории, оставивших неизгладимый след в коллективном сознании. Интерес философов, культурологов, социологов к проблематике культурной памяти обуславлен: 1) глобализационными процессами, усугубившими интерпретацию истории, проблематику идентичности; 2) попытками запада фальсифицировать историю, преувеличивая свою значимость в мировых событиях; 3) неопределенностью будущего человечества; 4) разрушением единства советского народа и культурно-исторической памяти.

Как внутренний механизм культуры, культурная память передается посредством символов, формирующих традиции, обряды, ценности, нормы, способствуя воспроизводству культурного кода, формированию культурной идентичности. Культурная память, акцентируя внимание на события прошлого, соединяет воедино историю и современность, проявляя прошлое в настоящем [1], приобщая народ к культурному наследию, способствует формированию национального самосознания. Эрозия культурной памяти чревата кризисом идентичности, разрушением исторической памяти, значимость которой в консолидации народов Беларуси и России, в обеспечении национальной и культурной безопасности неопределима. В этой связи проблему сбережения коллективной исторической и культурной памяти следует рассматривать как одну из актуальнейших для Союзного государства Беларуси и России.

Выступая в качестве связующего звена между прошлым, настоящим и будущим, культурная память обладает способностью к репродукции событий, способствующих

формированию не только чувств гордости, восторга, но и чувств утраты, скорби, печали.

Переживание трагических событий, оставивших в коллективной памяти незаживающую рану, формирует культурную травму. Культурная травма – это феномен, рассматриваемый как сохраненная память поколений, аккумулирующая опыт трагических событий, нарушающих стабильность и привычный порядок жизни, трансформирующих базовые ценности. Основными характеристиками культурной травмы являются глубокие эмоциональные переживания, состояние шока «от нарушений установленного порядка, сопровождающиеся состоянием беспомощности, пессимизма» [4, с. 10].

Конструирование культурной травмы осуществляется через воплощение в памяти травмирующих событий. Травма формируется у людей, переживших трагический опыт насилия. Через трансляцию своего опыта потомкам травма проектируется и в последующих поколениях. Для потомков трагические события становятся травмой, когда воспоминания преобразуются «в осмысленный нарратив», способствующий глубокому пониманию человеческих страданий. Коллективная травма как социокультурный конструкт формируется в процессе взаимодействия двух элементов: 1) жертвы (носители травмы), 2) виновные (те, кто несет ответственность за причинение травмы), распределяя символические роли, определяя наказание виновным. Дихотомия между виновниками и жертвами обостряется на фоне событий, которые невозможно вычеркнуть из памяти. Ответственность за причиненную травму возлагается на поколение, совершившее преступление, но нередко переносится и на последующие поколения.

Культурная травма обладает устойчивостью, укореняясь в коллективной памяти, она сохраняет свое влияние на протяжении длительного времени. Формируясь в сфере культуры, она проникает во все сферы общественной жизни, и интерпретируется как трагедия, глубоко трансформируя культурные смыслы, затрагивая сферу базовых ценностей, правил, норм, оказывая воздействие на коллективную идентичность.

Сохранение исторической и культурной памяти является одной из актуальных тем в рамках культурного сотрудничества России и Беларуси. В гуманитарной мысли, в культуре Союзного государства Беларуси и России важной составляющей коммеморации признается сохранение памяти 1) о Великой отечественной войне, о подвиге советского народа; 2) о геноциде советского народа. В этом контексте особая роль придается противодействию фальсификации истории, разрушению культурно-исторической памяти, объединявшей когда-то советский народ как культурную общность.

Травма, полученная во время Великой Отечественной войны, прочно укоренилась в памяти советского, российского, белорусского народов. Коллективная вина за гибель 27 миллионов советских граждан возложена на Третий Рейх, вермахт и их пособников. Как культурфилософский феномен культурная травма, оказывает амбивалентное влияние на коллективное сознание. Запечатленные в памяти трагические события, порождая негативные эмоции (гнев, возмущение, ненависть), способствуют снижению толерантности, формированию установки на мщение, что создает угрозу стабильности общества [2]. С другой стороны, пережитая травма становится основой для формирования устойчивого нарратива о необходимости предотвращения повторения трагических событий, таких как геноцид, нацизм, репрессии, тем самым содействуя укреплению национальной и культурной безопасности.

Стратегия сохранения исторической и культурной памяти, выстроенная в России и Беларуси, способствует сбережению памяти о подвиге советского народа в Великой Отечественной войне. В то же время травма, полученная советским народом в ВОВ, передаваемая поколениям, помогает сплоченности российского и белорусского народа, формированию общекультурной идентичности. В день памяти всенародной скорби по жертвам войны (22 июня) в рамках организации акций «Вахта памяти», «Свеча памя-

ти», «Сад памяти», митингов-реквиемов в мемориальном комплексе «Брестская крепость», «Хатынь», шествия «Бессмертный полк» основной целью является не только сохранение коллективной историко-культурной памяти, но и формирование национального самосознания, восстановление преемственности поколений, ценностного отношения молодого поколения к героическому прошлому народа. Не менее важно обеспечение защиты памяти от травматических ударов, формирующих нарратив негодования, ненависти по отношению к тем, на ком лежит ответственность за нанесение травмы, или по отношению к их потомкам. Комплекс мер, направленных на сохранение в культурной памяти героического подвига советского народа, – это напоминание всему человечеству о преступлениях нацистов, звучащее как призыв о недопущении возрождения идеологии нацизма, фашизма, несущих угрозу всему миру.

Немецкий теоретик культуры Й. Рюзен, выдвинув идею детравматизации [3], призывал: 1) рассматривать события, вызывающие травму, как норму (нормализация); 2) оправдывать прошлые трагические события (телеологизация); 3) связывать трагические события с роком (анонимизация) [3]. Наша позиция – полярная. Считаем, что невозможно признать нормой бесчеловечность фашистов по отношению к жителям блокадного Ленинграда, к жителям Белоруссии, пережившим трагедию, олицетворением которой стала Хатынь. Невозможно оправдать бесчеловечные опыты, проводимые над узниками детских лагерей Освенцима, Саласпилса, Алитуса. Стирание из коллективной памяти преступлений (геноцида славян, карательных акций, репрессий, опытов над детьми), совершенных нацистами и их пособниками на оккупированных территориях Советского Союза, в концентрационных лагерях, травмирующих поколения, может привести к искажению исторических фактов, открыть путь к новым трагедиям. Так, фальсификация исторических фактов украинской политической элитой явилась фактором возрождения нацизма, экстремизма в Украине. Распространение неонационалистической идеологии стало источником русофобии, геноцида русских на территории Украины.

Сбережение и воспроизведение культурной памяти, историко-культурного наследия способствует сохранению самобытности народа, укреплению культурной идентичности, обеспечению национальной и культурной безопасности. Культурно-историческая память – это нарратив культурной идентичности, являющийся консолидирующим фактором в укреплении российско-белорусского сотрудничества.

Сегодня в силу сложившихся геополитических событий проблематика сохранения культурной памяти особенно актуальна. Сбережение культурной памяти как фактора духовного единения народов, которых объединяют общая судьба, общая история, является одним из условий обеспечения культурной и национальной безопасности. Сохранение культурной, исторической памяти снижает силу травматических ударов, оказывает противодействие фальсификации истории, помогает преодолению угроз, рисков культурной безопасности [2], позволяет найти рациональный подход к решению современных проблем и определить основные стратегии будущего человечества. Народ, не утративший память о своем прошлом, может смело смотреть в будущее.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман : пер. с нем. М. М. Сокольской. – М. : Яз. славян. культуры, 2004. – 368 с.
2. Исаченко, Н. Н. Рессентимент как социальное явление в пространстве информационно-сетевого поля / Н. Н. Исаченко // Вестник Челябинского государственного университета. – 2019. – № 5 (427). – С. 67–72.
3. Рюзен, Й. Кризис, травма, идентичность / Й. Рюзен // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / Й. Рюзен ; под ред. Л. П. Репина. – М. : ИВИ РАН, 2005. – 256 с.
4. Штомпка, П. Социальное изменение как травма / П. Штомпка // Социс. – 2001. – № 1. – С. 6–17.